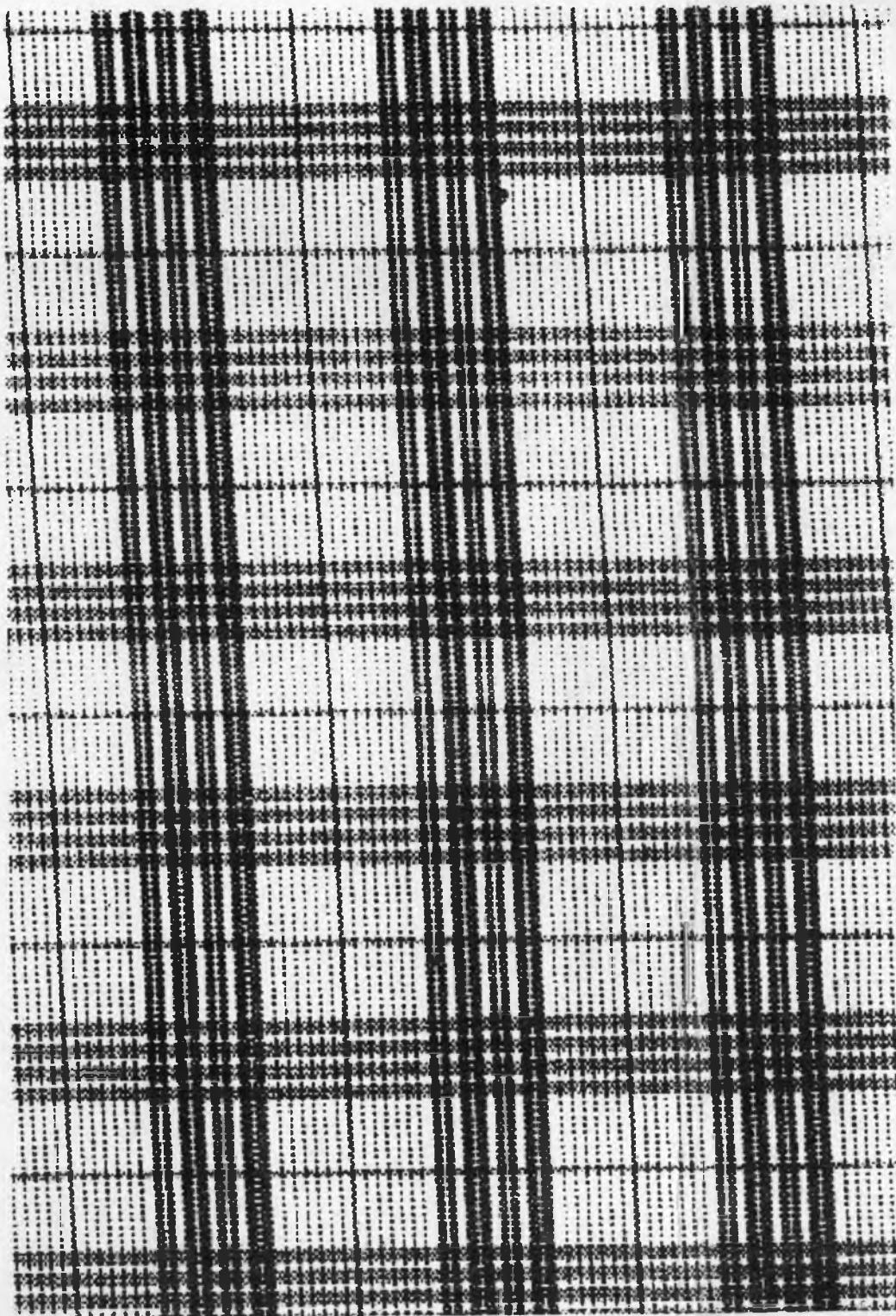

PC
B67
KP 1384530

✓ kp

Елена Волкова

Большие
абы

Елена Волкова

БОЛЬШИЕ БАБЫ

Повесть и рассказы

Вологда
2003

Елена Волкова

Фото В Шаманина

Родилась в 1963 году в Тольятти. получила инженерное образование. работала на Вологодском подшипниковом заводе. Диктор областного радио. В литературу пришла из журналистики. Первые опыты шли в двух направлениях - лирические зарисовки и пародии.

Первая заметная публикация - в сборнике заводских писателей «Дверца». Малым, но востребованным тиражом выпили сборники «Перекресток любви и печали», «Мазохистка», «Карусель».

Вместо предисловия

Майское 2001 года заседание ЛитARTели «СТУПЕНИ» таило сюрприз: Елена Волкова, забывшая дорогу к родному курению, вдруг ее вспомнила и решила прочитать свой новый рассказ «Карусель» (журнал «Мезон» № 4, 2001г.). Артистичное исполнение добавило тексту юмора и нежности, публика смеялась и аплодировала. Однако автор потребовала критики и таки ее получила.

Что автора волнует в первую очередь? Первично или вторично написанное.

В. Архипов, не любящий прямолинейных оценок, сказал, что это лучше, чем Клара Новикова, лучше, чем Сомова (прежняя героиня Волковой), лучше, чем многое. Ситуации угаданы лучше. Скажем, бажист из солярия «девчонка 69 лет», а по слухам, сейчас в моде путанки такого возраста. Все это страшно остроумно, хорошо написано, легко, «я могу сказать – русская Хмелевская, пускай и без детективного начала». Есть ли художественные особенности? Об этом надо спросить Вадима Блинова, он способен опошлить все. Конкретно: обращения к людям – перебор, героиня интересна сама по себе. Еще плюс – героиня не похожа на автора. Прелестно читается, а автор как будто оправдывается. Недостаток или достоинство – все слишком забывчивоизировано. Вообще, когда рассказ хорош, трудно говорить.

Трудно было говорить и Руфи Рафалович, которая при всей строгости подхода нашла мало ошибок. Диалоги посчитала лишними, главное достоинство – в неповторимой лирической интонации. Говорили также о некоторой рыхлости композиции, об ослабленности финала. Но всякий раз оправдывались – «Вообще хорошо»...

Лишним считал эпизод с солярием Жорж Вандышев. Ната Сучкова решила, что Волкова продолжает традиции Марка Твена, а если говорить в общем, то рассказы Волковой определяются как гендерно-социальная проза с элементами эротики. Рассказ стал бенефисом Волковой после долгого молчания. Случайность? Или заявка на нестареющую лирическую тему?..

Елene Волковой не нравится ее творчество. Будь ее воля, она бы запретила себя печатать: ведь это «мелко, пошло, вторично» – говорила бы она о себе. У Елены Викторовны много друзей. Иногда, собравшись тесной компанией с жаждой повеселиться, эти друзья заводят свой обычный разговор о литературе, который становится особенно невыносимым после первой рюмки.

- Волкова, когда же ты, наконец, начнешь писать повесть?

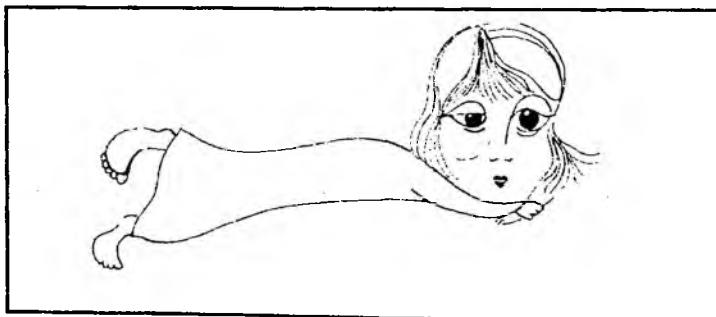
Чтобы не затягивать со второй, приходится отвечать:

- Ну, напишу, напишу...

Обещание дано – и она пишет очередную пародию. Отсюда ясно, что стихия Волковой - юмор и пародия. Творческий багаж писательницы включает также короткие шутливые новеллы, героини которых попадают в самые запутанные ситуации, но при этом не теряют присутствия духа: «Ах, какая женщина!», «Как ты хочешь, милый», «Карусель». Некоторые сравнивают ее с Кларой Новиковой, некоторые – с Тэффи, но на самом деле у Волковой свой неповторимый стиль, который помог ей обрести свою читательскую аудиторию.

Елена Волкова попала в Вологду юной выпускницей политехнического института, работала на подшипниковом заводе инженером, комсомольским инструктором и корреспондентом газеты «Вологодский подшипник», а также ведущим автором и диктором заводского радио. Нынешнее место работы – областное радио. Длительное время шутки Волковой оживляли заседания литературной артели «Ступени», которой исполняется в этом году 32 года. Там не однажды широко обсуждался цикл рассказов «Здравствуй, Сомова!», который сейчас готовится к печати... Или не готовится? Мнения по этому поводу разошлись. Автор Волкова считает его устаревшим, волкоманы – вечно актуальным. Итак, перед вами старые и новые рассказы Елены Волковой.

Тамара Сизова

ЗДРАВСТВУЙ, СОМОВА!

Повесть

СТАНОВЛЕНИЕ СОМОВОЙ

Жила-была Сомова. Ее детство, отрочество и юность прошли в атмосфере коммунальной квартиры с двумя соседями.

Воспитанием Сомовой в младенчестве занималась няня Таисия Акимовна, которая чрезвычайно любила порядок и иногда корила юную Сомову: «Голубушка! Ты же обещала мне не писать на этот ковер... Как же так, милая?» Сомовой всякий раз становилось стыдно - она росла совестливой девочкой.

Таисия Акимовна любила хорошую кухню. Особенных результатов она добивалась в приготовлении грибного супа. Его Сомова могла съесть в неограниченном количестве.

- У нашей девочки ожирение первой степени - сказала врач-педиатр, когда Сомовой было четыре года.

Сомова опечалилась и надула в штаны.

- Если ты не перестанешь этого делать, - предупредили ее в последний раз, - мы не отведем тебя на балет.

Сомова дала страшную клятву - ходить только в сухих штанах. Ей хотелось в балет, чтобы танцевать на цыпочках.

Через несколько занятий ей надоели гран-батманы, и она из последних сил цеплялась за косяк двери, когда ее тащили на занятия. В конце концов на Сомову плюнули и больше никуда не таскали.

В отрочестве Сомова любила ездить на велосипеде. Ее так долго этому учили, что когда она, наконец, поехала, крикнули: «Ехай, ехай!»» - и не стали больше ловить...

Юность Сомовой также не была отмечена ничем выдающимся. Только однажды, на литературе, когда она отвечала урок, учительница сказала:

- Тише, дети! Девочка обнаруживает знание первоисточника!

За это из-под Сомовой выдернули стул, и она больно села на пол.

Потом она продолжила свое образование в институте, со временем возненавидя его почти так же сильно, как балет.

- Сомова! Если вы не знали, как делать типовой расчет, почему вы не ходили на консультации? - спрашивал ее преподаватель.

- Мне было неудобно, - отвечала Сомова.

- И часто это с вами случается?

Однажды у сокурсницы Сомовой был день рождения. Сомовой поручили накрывать на стол, но именинница не пришла, и чтобы не пропало пиво, Сомовой заодно поручили быть именин-

ницей.

Она была превосходна - глупо остряла, роняла бутылки и приставала к мужикам с вопросом: «А что будет, если де-икс продифференцировать по де-игрек?» - «Будет - во-о! Сомова!»

Она обиделась, прилепила на собственный лоб этикетку от пива и замолчала.

Впоследствии оказалось, что единственным знанием, вынесенным Сомовой из института, было следующее: если де-икс проинффицировать по де-игрек - все будет нормально! Это очень помогало Сомовой в трудные моменты жизни...

...После института Сомова поняла, что в ее возрасте пора бы иметь за плечами кое-какие весомые успехи, достигнутые исключительно упорством и собственными способностями. Но получалось, что, кроме сухих штанов в детстве, больше достижений не было. Все остальное, включая балет, велосипед и аттестат, Сомова считала недоразумением. Тем более диплом, благодаря которому она теперь страдала за кульманом на заводе, производившем бытовые воздухоочистители.

В комнате сидели двадцать пять человек. Было невыносимо скучно. Чтобы позорно не уснуть, Сомова иногда озабоченно выходила из отдела и начинала заглядывать во все комнаты, спрашивая Семенову из нормо-контроля.

Один раз, когда Сомова уже начинала засыпать, ее позвали к телефону.

- Сомова? - сказал в трубке начальник отдела. - Вы у нас в каком...

- ...Полку служила?

- Я тебя спрашиваю: ты у нас давно институт закончила?

- Три месяца...

- А не хочешь отдохнуть?

- Хочу!

- Поезжай на курсы повышения квалификации.

«Что же я там буду повышать? - задумалась Сомова и пошла поделиться новостью к подруге Семеновой.

- Скажи, Дуся, ехать мне или нет? Я боюсь там ляпнуть какую-нибудь глупость...

- Поезжай, познакомишься там, может, замуж возьмут...

- Ты все о своем!

- Доживи до моих лет, - серьезно сказала Семенова, которая была старше Сомовой на год.

Несколько дней Сомова оформляла командировку, получала деньги и собирала чемодан. Билет она купила за десять минут до поезда в кассе для родителей с детьми. Конечно, ей досталась верхняя полка в купе, а соседями - одни мужчины. Сомова боялась

всю ночь и заснула только под утро, но к ней никто так и не пристал.

...Курсы повышения квалификации Сомовой представляли собой пятиэтажный дом, где слушатели и учились, и кормились, и спали. Можно было проснуться без десяти девять, а в девять уже сидеть на занятиях. Это единственное, что понравилось Сомовой. Все остальное: программа, контингент, преподаватели, койка и еда - не понравилось.

Программа была подготовлена для специалистов высшего и среднего звена руководства, к которым Сомова не имела никакого отношения. К тому же, узнав о ее специальности, женщина в секретариате удивленно спросила:

- А как вы сюда попали?

- Мне что, уехать? - обиделась Сомова.

Женщина сказала: «Подождите» и вернулась с маленьким мужчиной ярко выраженной нерусской национальности.

- Мне думается, - мягко сказал мужчина, - что вам никогда не помешают знания, которые вы получите на наших курсах.

- Нет, главное, чтобы вам не помешала моя неправильная специальность. «У них недобор», - поняла Сомова.

- Наши курсы оснащены компьютерной техникой, позволяющей быстро усваивать новый материал.

«У них большой недобор», - уточнила для себя Сомова.

Она осталась и начала ходить на занятия, абсолютно ничего не понимая. «Что такое шинопровод?» - спрашивала она у соседа. Сосед смотрел на Сомову с сожалением.

Один раз ее подпустили к компьютеру, разрешили последовательно нажать три кнопки и поставили «зачет».

В свободное время Сомова ходила по магазинам, мерила подряд платья, туфли, шубы и шляпки, нюхала духи, просила показать ей вон ту шкатулку, брошку, пряжку... На покупки средств у нее не было, а подарки ей никто делать не собирался. Мужчины ее группы все время играли в бильярд и замечали Сомову, только когда она задавала свои вопросы. «А вот и наши девочки!» - говорили они о Сомовой, хотя из девочек в группе была она одна.

По окончании курсов Сомова получила свидетельство с оценкой «4» (хорошо), с числом и подписью нерусского мужчины.

«Что ж тут «хорошего»? - не поняла Сомова.

- ...Ну, как? - спросила ее Семенова.

- Что тебе сказать, Дуся?.. Кстати, ты не знаешь, что такое шинопровод?..

СВАДЬБА СОМОВОЙ

Сомова выходила замуж под Новый год. «Испортила себе такой праздник», - бурчала она под нос, втыкая в прическу флердоранж. Флердоранж постоянно выпадал, так что Сомова то и дело лишалась невинности.

Часы показывали одиннадцать. Уже через полчаса должно было состояться счастливое бракосочетание, после чего рождалась новая яичка... Дело встало только за женихом. «Где этот гад?» - думала Сомова, расхаживая по квартире и задевая гостей подолом подвенечного платья. Гости падали, жениха все не было. «Зачем я собралась замуж?» - в отчаянии воскликнула Сомова, испугав свидетельницу, но тут коротко звякнул звонок.

В дверях стоял красный жених с подружками и дружками. «Ну и прическа», - сказал жених. Сомова поджала губы и ушла к себе.

Выбежала мать невесты, стала неуверенно звать к столу. Зазвенели бокалы, красный жених начал покачиваться.

До ЗАГСа оставались считанные минуты. Сомова выдергивала из прически флердоранж и бросала его в окно. Цветы чистоты и невинности разносились по округе шальным декабрьским ветром.

«Нарядили невесту - как новая», - услышала вдруг она голос свидетеля, который долго не хотел им быть, а когда его упрашивали, отвечал, что «не хочет быть свидетелем этого безобразия»...

Сомова зарыдала, и так ее, рыдающую, отвезли в ЗАГС. Бракосочетание прошло в хорошем маршевом ритме свадебного Мендельсона...

Вечером в столовой жених пытался произносить тосты. «Друзья мои...», - начинал он и падал.

Сомова искала у него в карманах ключи от квартиры, которую им дали на первую брачную ночь знакомые ее мамы. Ключей не было. «Куда ты дел ключи, гад?» - «Друзья мои», - отвечал ей жених и неуклонно падал.

Свадьба кончилась, когда на дворе стояла глубокая ясная зимняя ночь. Жених спал в неестественной

позе. Сомова плакала и просила поймать хоть какую-нибудь «тачку». «Тачки» ехали мимо. А вот и последний автобус показался в конце улицы. Сомова побежала, увязая в сугробах и путаясь в подоле. Двое дружков волокли тело мужа. «Друзья мои... это прекрасно!» - воскликнул он. Сомова добежала до остановки, схватилась за поручень и повисла, пока дружки подтаскивали тело.

Всю первую брачную ночь Сомова ездила от своих родителей к его родителям, потом в квартиру, от которой им дали ключи, потом к друзьям, которым муж отдал ключи на хранение, потом опять к его родителям - забрать тело, потом опять в квартиру. Сжалившийся над Сомовой частник уже зевал за рулем. Она тряслася мужа и злобно шипела: «Где деньги, которые нам подарили на свадьбе?» - «Но, друзья мои?..» - недоумевал муж, вытаскивая какие-то скрученные червонцы.

...Рассвет первой брачной ночи Сомова встретила на кухне. Она сидела, раскачиваясь на табуретке, и нога ее все время соскальзывала с перекладины. Она слушала, как сопит и бормочет в комнате спящий муж, как дом наполняется звуками сливаемых унитазов и скрипом освобождающихся кроватей, с которых встают счастливые супруги и дружно начинают первый день ее, Сомовой, замужней жизни, которую она никак не может начать. «А зачем я вообще вышла замуж?» - подумала Сомова.

Этот вопрос она задавала себе всю жизнь.

САПОГИ СОМОВОЙ

Сомова любила извращать. Бывало, говоришь ей: «Ну, хватит уже, Сомова! Не извращай, а!» А она извращает.

О ней заботятся армия, врачи, кассы авиабилетов, магазины то и дело заботятся... Кто еще? Её муж - Альфредыч, ее дети - Бася и Стася. Все заботятся о Сомовой, а она при каждой возможности извращает. Причем делает это незаметно для себя.

...Сомова всегда хотела иметь финские сапоги, и однажды ей повезло. На отдел дали пару, а она вытянула жребий.

«О, жалкий жребий мой!» - пропела Сомова и заметалась в поисках денег. «Нал!» - сказал ей муж Альфредыч, брезгливо собираясь в третью смену на четвертую работу. Сомова была так взволнована поступком мужа, что забыла надеть второй чулок и увидела это только перед магазином промстрайотходов, где и выдавали сапоги.

Во всей очереди одна Сомова была «по очереди», остальные

должны были получать только через день. Но разве можно спокойно жить и работать, зная, что где-то среди промсторий отходов лежит твоя финская пара! Поэтому пришли все. А когда до заветной пары оставалось всего человек двести-триста, пошел дождь, и появилась милиция. «Парные кончились, остались непарные, - сказала милиция, - кто будет брать - шаг вперед!» Вся очередь молча шагнула вперед, на месте осталась одна Сомова. «А вам чего?» - строго спросил ее старшина Фоменко, родом с-под Твери.

Сомова пыталась представить себя в непарных сапогах «с-под Финляндии». Конечно, это подходило под непарные чулки, но не подходило под парные ноги. Очередь двигалась быстрее, чем думала Сомова. Подошли детские садики. «Давайте нам без очереди, а то мы не примем ваших детей в группы», - сказали садики и взяли предпоследнее. Последнее взяла Сомова.

Только дома она развернула бумагу. Сапоги ей понравились. Особенно правый, левый - меньше. Левый она так и не смогла надеть, сколько ни помогал ей Альфредыч в перерывах между второй и третьей работой.

«Плохая страна - Финляндия. И сапоги там плохие... Наши лучше».

...Вот так о ней позабочились целых два государства, и вот так она все извратила.

МУЖЧИНЫ СОМОВОЙ

Взаимоотношения Сомовой с мужчинами шли в ее жизни отдельной статьей.

Мужчины ее пугались.

Нет, с лицом в них было все в порядке. Сомова даже научилась ловко маскировать отсутствие зубов, открывая рот только в стоматологическом кресле.

Были определенные сложности с фигурой, когда стрелка весов перетягивала критический рубеж.

- Семьдесят один! - со всхлипом говорила Сомова, - На прошлой неделе еще было шестьдесят девять...

- Какая разница-то? - спрашивала ее подруга.

- Ты не понимаешь... Шестьдесят девять - это почти шестьдесят, а семьдесят один - это уже под восемьдесят!

- Не понимаю, у меня всегда сорок семь...

Но в совокупности всех частей тела Сомова выглядела достаточно привлекательно. Однако мужчины пугались ее.

«С этим пора кончать», - решила она про себя как-то вечером за чтением «Теплотехники и гидравлики». И тут позвонила мелкая подруга.

- Ну, заходи...

- Я не могу, - сказала подруга, - зайти к тебе вместе с машиной, а из нее меня не выпускают.

- Как ты мне надоела со своим Доктором...

- Да с Доктором мы уже расстались навсегда.

- Опять? Я понимаю...

- Поехали, покатаемся... Я тут тебя познакомлю...

- Ты же знаешь, мне нечего надеть, - Сомова начала волноваться, ей хотелось ехать.

- У тебя прекрасное... такое - серое, что ли...

Этим же вечером, только очень поздно Сомову обнимал настоящий мужчина. Они сидели вдвоем в машине в безлюдном месте под окнами райкома партии.

«Поразительно, - думала Сомова, - вот и меня обнимает мужчина».

Только через много лет она поняла, что это был ее последний спокойный день. Дальше начался тяжелый продолжительный кошмар.

Мужчина терзал ее своим видением женщины его мечты. Сомова была похожа на мечту только при плохом зрении без очков.

Через две недели выяснилось, что она - не то, еще через неделю ей было запрещено говорить в его присутствии, а еще через три дня и вообще находиться в его присутствии.

Сомова плакала, худела и теряла волосы.

- Да ты с ума сошла! - говорила ей подруга. - Он старый, толстый и капризный. А какой он противный, когда целуется... Ой!.. Ладно, я тебе сейчас буду открывать глаза...

- Не надо, - крикнула Сомова, - ты ничего не понимаешь! Такого больше никогда не будет! И она рыдала и падала в подушки.

Через три месяца с начала их отношений Мужчина сказал ей: «Ну, я пошел. Позвони мне как-нибудь...»

Сомова долго сидела в одном положении и думала: в положении она или нет? За окном прошумела его машина. Для нее началась новая жизнь.

Подруга привела знакомую парикмахершу, которая, сказав «нда», принялась вымачивать Сомову в травяных настойках, мазать пахучими маслами и живительными токами слабой электрической завивки, пытаясь побудить к жизни то, что еще осталось.

За бигудями Сомова забывалась и даже переставала плакать.

Шли дни, недели. Сомова искала выход. Ей хотелось жить, несмотря на то, что жить не хотелось. Мысль все время бродила во-

круг ее несчастья и никак не могла свернуть в сторону.

- Ну, хочешь, я тебя познакомлю? - спросила ее как-то подруга.
- Ты стала неплохо выглядеть...

Но Сомова уже решила про себя, что больше никогда... Только учеба и работа. В тридцать три она станет матерью-одиночкой, но, разумеется, - без мужиков!

- Без мужиков! - сказала она.

- Ха-ха, - и подруга убежала в очередную машину.

Выход нашелся сам собой.

Сомова поправляла здоровье на турбазе. Попросившись в самый уединенный домик, она решила упорядочить свои мысли.

Уединение Сомовой привлекло внимание отдыхающих. К ней начали захаживать, знакомиться, приглашать на чай, на уху, на коньячок-с, на «Би Джиз».

«Почему?» - думала Сомова, принимая очередное приглашение.

- Какие у вас грустные глаза, - сказал ей мужчина номер два. - В вашем взгляде угадывается прошлое.

«Ах, вот оно что! - подумала Сомова. - Прошлое!»

- Да, вы знаете, это такая занимательная история, - внезапно сказала она, - я до сих пор смеюсь. Вы любите смешные истории?

- О-чень!

- Пойдемте, я расскажу. Вы будете падать от смеха с кровати...

...И дальнейший поток мужчин уже подразумевался. Он был естественен, как природное явление, и воспринимался Сомовой, как стихийное бедствие. Но душевые силы на мужчин она уже не тратила...

БОМЖ СОМОВОЙ

С годами Сомова поняла - здоровье не купишь на те деньги, которые она получает в виде оклада, плюс премиальные, плюс тринадцатая. Всего этого хватало, чтобы прикрыть тело одеждой, ноги - обувью и не чаще одного-двух раз в год позволять себе почти безалкогольно расслабиться в ресторане. «Но здоровье, - решила однажды Сомова, - это свой дом в деревне, зелень с грядки и свежий воздух в любое время суток».

На что она будет покупать дом - Сомова не знала. Сначала надо прицениться, посмотреть, как это делают люди, съездить на место, рассуждала она. А там придумаем. Альфредыч иногда что-то куда-то откладывал, приговаривая: «Деньги надо вкладывать в

недвижимость». Сомова рассчитывала на Альфредыча, который пока ничего не подозревал.

Ей сказали, что на станции «Домашняя» есть хороший заколоченный дом, о нем мало кто знает, поэтому Сомова должна торопиться, пока знающих не стало больше.

Она нашла сельсовет, нашла дом, а в доме неожиданно обнаружила бомжа.

Они внимательно осмотрели друг друга.

- Ну, что, сударыня, будем брать? - нахально спросил бомж.

Сомова растерялась. Она никого не рассчитывала встретить в заколоченном доме, на котором только что открыла амбарный замок.

- То есть... А как вы сюда... Что значит, «будем брать»? - строго спросила Сомова.

- Ну, мое условие ты знаешь? Не знаешь? - бомж не обращал внимания на Сомову. - Мое условие: дом продается вместе со мной, и ни цента меньше!

«Сейчас он меня изнасилует, убьет, а ночью закопает в подвале... Надо было предупредить, куда я еду, чтобы нашли... Как же он в закрытый дом попал?»

- Мадам! - сказал бомж, гнусавя, - я никогда не насиловал женщин без их на то жгучего согласия. Это во-первых... Молчите. Во-вторых, у меня очень маленький ножичек. Я не могу вас убить, только слегка порежу. Вы мне тут напачкаете кровью. Зачем мне лишняя стирка? И, наконец, в доме нет подвала. А предупреждать, куда вы едете, просто необходимо. Такие молоденькие девушки, как вы, - хорошая добыча для разного рода лиц без определенного места жительства и заработка.

- Ну? - тупо спросила Сомова.

- Что - ну?

- А дальше-то... Как вы сюда попали?.. Я об этом тоже подумала.

- Сеньора! Это вы узнаете тогда, когда купите дом, как я уже докладывал, вместе со мной. Если же вас не устраивают мои условия - не смею больше задерживать.

- Ну, ты нахал! - опомнилась Сомова.

- Меня зовут Игнатием Сергеевичем. Позвольте также узнать и ваше имя, дабы предупредить недоразумение.

мения, которые уже начались.

Сомову очень беспокоило то, что она ничего не понимает. Игнатий Сергеевич ставил ей условия - это было понятно. Но почему Игнатий Сергеевич ставил ей условия - это было непонятно. Сомова не любила загадок. Она пошла к дверям, толкнула их и, споткнувшись о высокий порог, упала.

...Когда через неделю растижение прошло, Сомова снова подъезжала к станции «Домашняя». С ней были деньги, справки, паспорт и Альфредыч с лопатой.

Уже известным путем Сомова провела Альфредыча в сельсовет, где ей сказали, что заколоченный дом купила три дня назад одна женщина по фамилии... Минуточку... Абрамова... А, здравствуйте... А мы о вас только что говорили...

Абрамова зашла в сельсовет случайно. А Сомова приехала не случайно. Она решила брать дом, и Альфредыч поддержал ее, пообещав пристроить также бомжа Игната Сергеевича, который был так любезен, что довез Сомову с растижением ноги до самого дома на попутках неделю назад.

Бомж Игнатий Сергеевич рассказал Сомовой в травмпункте, пока она ждала очереди на рентген, совершенно дикую для нее историю.

Он работал нормальным инженером, по его сократили. Он взял свой портфель и пошел домой среди бела дня. Дома он застал жену в тот момент, когда она пыталась, услышав, что кто-то хлопнул дверью, попасть в рукав халата, вывернутого наизнанку. То же самое, только с брюками, пытался делать прыгающий на одной ноге совершенно незнакомый Игнатию Сергеевичу мужчина.

- Я тебе сейчас все объясню, - сказала жена Игната Сергеевича, обращаясь почему-то к незнакомому мужчине.

- Я все понял, - ответил мужчина, обиделся и ушел, не полностью одевшись.

- Он что, подумал, что я - твой любовник? - спросил у жены Игнатий Сергеевич.

- Почему ты не на работе? - начала кричать она. - Боже мой! Зачем ты пришел так рано - он уже собирался на мне жениться!

- Как? А я?

- При чем здесь ты? Мы бы развелись...

Игнатий Сергеевич был тогда очень озабочен и пошел бродить по городу, анализируя ситуацию. Незаметно для себя он ушел так далеко, что не стал возвращаться и ночевал где-то в кустарнике. Потом еще и еще. А потом нашел в деревне заколоченный дом, сначала залез в окно, а потом сделал маленькую дверь - он же был инженер - и выходил только по ночам.

Сомова расстроилась, узнав о горькой судьбе бывшего нормального инженера, и пообещала ему, лежа под рентгеном, что непременно купит дом и на первых порах они будут жить вместе, а Альфредыч потом что-нибудь придумает.

И вот она приехала с перевязанной ногой и вместо купли-продажи смотрит на какую-то Абрамову, которая ее опередила и у которой неизвестно что за душой.

- А Игнатий Сергеевич? - спросила Сомова.

- Игнатий белит потолок. А вы ему кто?

- А я ему - то же, кто и вы...

- Да? - Абрамова покраснела. - Он говорил, что был женат. Так вы за ним? А кто же - вот они?

- Они - мой муж Степан Альфредыч!

- Ну, я ничего не понимаю! - Абрамова повернулась к бабке из сельсовета, которая смотрела на все довольными, любознательными глазами.

- А нечего тут и понимать, - сказала сельсоветская бабка и, обернувшись к Сомовой, добавила: - Дом куплен, а мужик был ничейный. Ты, милая, опоздала. А большиес домов у нас нет - ни с мужиками, ни без мужиков...

ДАЧА СОМОВОЙ

После неудачи с покупкой дома Сомова строит дачу.

Она посыпает Альфредыча в очередь за водкой, которая нужна, чтобы достать одновременно кран, плитовоз и плиты - перекрыть крышу.

Однажды удалось договориться с мужиком-прорабом, что он задержится на стройке часа на два, погрузит плиты башенным краном на плитовоз, плитовоз приедет на дачу, а тут уже стоит кран «Ивановец». Пока «Ивановец» кладет первую партию, плитовоз едет за второй. Сомова даже стропальщика нашла. А поскольку работать придется допоздна, Альфредыч достанет переносный прожектор, который жрет много энергии.

От Сомовой непосредственно во время операции «Крыша» требуется приготовить еду - побольше жареного мяса и водки - на семь-восемь человек.

И вот, когда они уже все рассчитали, накануне соседу привезли две тысячи кирпича и свалили его посреди дороги. Сосед - мужик хороший, и они вместе до полвторого ночи этот кирпич перетаскивали.

Зря, между прочим, как оказалось. Плитовоз в последний день не то сломался, не то перевернулся, и не смог ни приехать, ни предупредить. В это время мужик-прораб два часа сидел на башенном кране - ждал плитовоз. Крановщик «Ивановца» выписал кран на свое имя и тоже где-то ждал. Сомова ждала на соседней даче с обедом. А Альфредыч ждал на дороге со стропальщиком, чтобы указать дорогу плитовозу.

Все ждали, но не дождались.

Альфредыч пришел домой какой-то грустный, а на следующий день начал пить ту водку, которая была отложена на дачу. У него наступил стресс.

Когда Сомова вывела Альфредыча из запоя, она набрала в грудь воздуха и пошла к крановщику. Там ее встретила жена крановщика и все, что хотела, ей сказала. Сомова ушла.

Вечером крановщик сам позвонил и сказал: «Ну, какой разговор, раз надо - сделаем». Сомова воспряла духом и снова пошла к прорабу...

УДАЧА СОМОВОЙ

Как Сомова ни гнала от себя эту мысль, все-таки черный день наступил...

Ее вызвал к себе начальник отдела.

- Сомова, - сказал он, - ты, конечно, думаешь, что я начну перед тобой извиняться или успокаивать?

- Вы что - меня сокрашаете? - догадливо спросила Сомова.

- Я понимаю... Ты ждешь этого... Но где мне найти столько слов для вас для всех?

- Мне прямо сейчас уйти или надо отработать? - уточнила заднудная Сомова.

- Скажи, как мне выполнить распоряжение начальства, чтобы никого не обидеть? Как? Сократить себя?

- Хорошо, я отработаю... - пообещала Сомова тусклым голосом и пошла себе...

- Какие мы все нервные! И из-за чего? Из-за пустяков! - успел крикнуть ей вслед начальник отдела.

Вечером Сомова лежала в ванной и перебирала возможные и невозможные варианты трудоустройства. Работать по своей специальности она не хотела больше никогда в жизни. Другой специальности у нее не было. А чтобы идти на панель, надо знать, где она находится.

Внезапно Сомова вспомнила, что в глубоком детстве училась на курсах машинописи и делопроизводства.

«ФЫВА ПРОЛДЖЭ», - осенила Сомову догадка, - я еще что-то помню из детства... На следующий день она подходила к проходной фабрики твердой игрушки, которой, согласно объявлению, требовалась машинистка. На Сомовой был ее лучший серый костюм.

Машинистка, действительно, требовалась в отдел со странным названием ЦКОГПУ. В расшифрованном виде это означало - центральный контрольный отдел главного производственного участка. Им руководила Клементина Андреевна Вазницына.

...Клима Вазницына пришла на фабрику твердой игрушки совсем худенькой девочкой и прошла славный трудовой путь на руководящей работе - от простого групорга погремушечного цеха до начальника вновь образованного центрального контрольного отдела. Клима ненавидела необязательность, неточность, неаккуратность и беспринципность. Она любила порядок и власть.

Сейчас она проводила пятиминутку. Сомову попросили подождать полчаса.

Когда Сомова наконец попала в кабинет К.А.Вазницыной, она увидела, что начальница - женщина полная, красивая, имеющая золотое кольцо на левой руке и светлые волосы, скрученные узлом на самой макушке. Сомова залюбовалась, а Клементина Андреевна выжидательно смотрела на Сомову, высоко подняв брови.

- Здравствуйте, - вспомнила Сомова.

Клементина Андреевна наклонила узел.

- Мне сказали, что вам нужны машинистки...

- Извините, - торжественно молвила Вазницына, - но по поводу приема на работу я принимаю в определенные дни. И показала туда, откуда Сомова только что пришла.

- Вам сюда, - подсказал ей секретарь - молодой мужчина средних лет с пробивающейся сединой на висках.

Сомовой дали большую кожаную папку с надписью «Регламент». Уже на третьей странице она нашла то, что искала: прием по поводу приема на работу К.А.Вазницына осуществляла по четным числам каждой нечетной недели с 10 до 12 и с 15 до 16. Там

же Сомова с интересом прочла информацию о днях и часах приема по личным вопросам, по вопросам о стихийно возникающих вопросах, а также по вопросам качества отдельно для каждого цеха - цех литъя туловищ, цех завивки волос для кукол типа НХЛ 40\20...

- Что такое 40\20? - подумала Сомова. - Бедра и талия?

К сожалению, Сомовой, ей не удалось увидеть Клементину Андреевну вскоре. Сначала она перепутала четные дни с нечетными неделями, потом опоздала ко времени приема, и ее ни под каким видом не впустили, затем сама Клементина Андреевна принимала югославов и перед Сомовой извинилась, сказав, что в каждом правиле бывают исключения, иначе зачем было писать правила?

Шла третья неделя безработицы Сомовой. Альфредич начинял намекать, что, хотя он и сторонник женского бесправия и больше любит картину «Сомова на кухне», но все-таки, если это возможно, надо бы как-нибудь...

Сомова отворачивалась от мужа и начинала делать вид, что рыдает.

Когда через месяц со дня поисков внимания Клементины Андреевны Сомова попала к ней на прием, Вазницына с непонятным удовольствием сказала, что машинистки им не требуются, а в газете прошла описка - им нужны машинисты...

Сомова погрузилась в такое глубокое недоумение, что не помнила, как вышла на улицу, и очнулась только перед гостеприимно распахнутым канализационным люком. Кто-то держал ее за руку.

- Сомочка! Испрыгай в колодец, калекочкой станеинь!

Это был Миша Осьминин - ее одноклассник, который в свое время очень любил выдергивать из-под нее стулья на уроках.

Миша с интересом выслушал грустную историю из жизни Сомовой и неоднократно прерывал ее громким смехом.

- Клементина Андреевна - знайная женщина, но поэты ее не любят. Под поэтами я подразумеваю себя.

Сомова не поняла про поэтов, но переспрашивать не стала.

- Ну, а ты где, Миша?

Миша оказался исполнительным директором лизинговой фирмы «ВВВ». Что означает эта аббревиатура, он не сказал, но прямо намекнул: есть вакансии, и если Сомова (тут дерзко осмотрел ее бюст) пройдет испытательный срок, длиной, скажем, в четыре дня, то он примет ее на работу с окладом... У Сомовой закружилась голова.

Мишина фирма, как и положено, начиналась с вешалки. Дальше Сомова рассматривать не стала - ей было дурно от Мишиного

благосостояния. «Шарпы», сейфы, кресла, ковры...

- Со-моч-ка! Тебе чайку или кофейку? Чаек у нас, правда, только с мяты. - Мише явно понравилось производить на Сомову одно впечатление за другим. «Пока я прозябала среди бытовых воздухоочистителей, незаметно выросло новое поколение...» - подумала она.

- Значит так, - сказал Миша в заключение чая, - завтра к девяти, девочки все покажут, я распорядился.

- Неужели ты возьмешь меня прямо с улицы? - удивилась Сомова, еще не вышедшая из-под гипноза Клементины.

- Если ты в себе сомневаешься, можешь принести справку из домауправления, характеристику от мужа и рекомендацию от Клементины Андреевны, - серьезно сказал Миша.

- Конечно, если считать годы, прошедшие после школы, мы знакомы уже двадцать лет, - находчиво вспомнила Сомова.

- Вот видишь, как ты быстро все поняла! Главное, это тебе мое материнское напутствие, - сказал Миша, - пореже стирай программы в компьютере и почаше приноси мне чай.

Фабрика твердой игрушки заключала договор с лизинговой фирмой «ВВВ». Клементину Андреевну Вазницыну послали получить последнюю подпись. Она открыла дверь в приемную шефа и наткнулась на доброжелательный взгляд Сомовой. Вазницаина высоко подняла брови и вспомнила.

- Осьминин у себя? - спросила она, заметно занервничав. Электронные часы в приемной показывали слишком много времени.

- Да, - сказала Сомова, переставая печатать на немецкой бесшумной пишущей машинке. - Рабочий день уже, конечно, кончился, но для нас главное - интересы клиента. И мы всегда идем ему навстречу.

Она подняла трубку и спросила:

- Михаил Самсоныч, к вам фабрика твердой игрушки. Прими-те уж, пожалуйста! - и улыбнулась улыбкой, которая свойственна только глубоко благополучным людям.

- Вас ждут, Клементина...э-э... Андреевна.

СОМОВА И КВАРТИРА

Первые мечты о собственной квартире Сомова относила к той памятной осени, когда она переступала порог первого в ее жизни общежития.

Стояло бабье лето. Если бы рядом с общежитием росли деревья, можно было бы сказать, что «листва начинала опадать». Еще теплые лучи солнца будили по утрам пятерых жилиц сто девятой комнаты: тетю Надю, Веронику, Нину Гавриловну, Иоланту Линейцеву и Сомову.

- Кто дежурный? - спрашивала пятидесятилетняя тетя Надя, по старой деревенской привычке принимаясь за работу, еще не проторев глаза.

- Линейцева И-и-о-лапта, - зевая, говорила врач-педиатр Нина Гавриловна и начинала шарить рукой по тумбочке, ища очки. Зрения у нее не было вообще.

- Йола! - вскричала в перекличку Вероника. - Твоя очередь выносить мусорное ведро.

- Я уже встаю, - отвечала Иоланта и засыпала.

Но график выноса мусорного ведра никогда не нарушался.

По вечерам тетя Надя рассказывала страшные истории из деревенской жизни. Вероника слушала и ела ее капусту. Иоланта Линейцева сидела в своем углу и пыталась выйти замуж за очередного мужчину. Сомова, лежа на проваленной кровати, мысленно делила получку. Было тесно, но тихо.

Первой ушла тетя Надя. Как ветерану жизни ей дали отдельную пятиметровую комнату. Иоланта, обезумев от свободы, начала водить мужчин прямо в дом. Сомова просыпалась от нехарактерных звуков и в бледном свете фонаря видела на полу мужские ботинки. Сомова кашляла, звуки прекращались.

- Линейцева Иоланта, - говорила Сомова утром.

- Ты губишь мою личную жизнь, - отвечала Иоланта, уходя с ведром.

Однажды Сомова проснулась ночью и не услышала нехарактерных звуков. А вернувшаяся через несколько дней Иоланта заявила, что скоро будет матерью. В сто девятой комнате раздалось неловкое молчание, которое нарушила пришедшая с дежурства Нина Гавриловна.

- Девочки, - сказала Нина Гавриловна, - я выхожу замуж.

- Поздравляю, - всхлипнула Иоланта и зарыдала громче.

- Он неплохой, - принялась уверять Иоланту Нина Гавриловна, не забыв предварительно вымыть руки. - Его зовут Георгий, он инженер, имеет квартиру... Давление нормальное, небольшой авитаминоз, - закончила она, убирая тонометр.

В течение следующей недели Нина Гавриловна готовилась к свадьбе, Иоланта - к самоубийству, Вероника - к экзаменам на вечерний. Сомова пыталась давать напутствия Гавриловне, одновременно отговаривая от рокового шага Иоланту. Жизненный опыт Сомовой был в ту пору невелик, чтобы сразу найти подходящие слова, и, хотя Иоланта оттягивала осуществление задуманного, полностью попытки суицида не оставляла.

Происшедшая в один из последующих вечеров история вошла в летопись сто девятой комнаты. Это был пример того, как один мужчина может устроить личную жизнь сразу двух женщин всего за одну ночь.

Как-то затемно в дверь постучали. Вероника, не отрываясь от учебника, открыла. По комнате скользнула тень. «К кому?» - подумала сквозь сон Сомова и проснулась. Мужчина уверенно шел к кровати Нины Гавриловны, на которой уже два дня спала поменявшаяся с ней Иоланта. Бывшая койка напоминала ей безвозвратно ушедшие моменты грехопадений. Мужчина скрипнул пружиной. Сомова сунула голову под подушку и начала считать до ста...

Когда угром Сомова, не вылезая из-под подушки, вкрадчиво спросила: «А кто у нас сегодня дежурный?», - ответа она не получила. Сомова и Вероника выснулись из кроватей. На бывшей Нининой койке сидел задумчивый мужчина и с интересом рассматривал красавицу Иоланту. Мужчина был законным женихом Нины Гавриловны и должен был через две недели стать ее же законным мужем. Нина Гавриловна была внезапно вызвана на дежурство и провела ночь в амбулатории.

Именно в эту минуту Сомова остро пожалела, что живет не в своей квартире и ей сейчас не избежать сцены пробуждения Иоланты.

Жених Георгий тихо одевался, отходя к дверям. Там он и столкнулся, завязывая шарф, с усталой Ниной Гавриловной.

- А, ты уже здесь, - сказала она, глядя на него красными от бессонницы глазами.

- Да, он еще здесь, - внезапно проснулась Иоланта, - это и есть твой жених?

- Вы уже познакомились? - улыбнулась Нина.

- У нас была такая возможность, - улыбнулась Иоланта.

На свадьбе Гавриловны Иоланта сидела напротив Георгия и алела. Сама невеста алела девственным румянцем. Рядом с ней алели от напряжения Сомова и Вероника, ожидающие скандала.

Однако последующая счастливая семейная жизнь Гавриловны и благополучное разрешение Иоланты сыном Гаврилой натолкнули Сомову на мысль, что пикантные ситуации не всегда кончают-

ся плохо.

Как раз в это время Сомовой подвернулся Альфредыч. Он в молодости был немногословен, что являлось для него характерным на всю жизнь, и также щедр, что в дальнейшем осуждал. Он целую неделю пробивал за Сомову талончики в автобусе, и она была вынуждена пригласить его в гости в свою отдельную новую пятиметровку в старом общежитии.

Альфредыч долго осматривал пространство, трогал косяки, внимательно дергал ручку унитаза. «Хороший унитаз, - думал Альфредыч, - может, и в самом деле хватит мне ходить одному?» Да и сделал в тот же вечер Сомовой предложение.

Спустя всего четыре года молодая семья получила квартиру. К тому времени Сомова уже была матерью, труженицей и даже немножко ветераном. Ее личных сбережений за семь лет работы хватило на две новые кровати, после чего оснащение квартиры замерло в связи с прекращением финансирования.

Ремонт Сомова делала собственными силами. Альфредыч до поздна пропадал на третьей работе, мотивируя это тем, что хочет подработать на обстановку. Но Сомова не видела ни денег, ни Альфредыча.

Как-то утром в дверь постучали. Спотыкаясь о мешки с цементом, ящики с плиткой и банки с краской, Сомова побежала открывать. На пороге стояли тетя Надя, Вероника, Иоланта с сыном и Нина Гавриловна с Георгием. Сомова села на цемент.

- Ну, показывай, показывай, - засучивая рукава, бодро начала тетя Надя, по старой деревенской привычке принимаясь за работу, еще не переступив порог.

- Давай ведро, мы вынесем, - пропела непривычно бодрая Иоланта.

Нина Гавриловна отвела Сомову в сторону и стала шептать о том, что ей кажется, будто бы у Иоланты с ее Георгием отношения.

- Ты с ума сошла, - громко сказала Сомова и увидела, как переглянулись Георгий и Иоланта.

К вечеру одна из комнат была оклеена обоями и покрашена где надо.

- Готовься, мы придем в субботу, - сказала на прощанье тетя Надя, по старой привычке не зная в работе меры.

...Сомова проснулась ночью. Пришел Альфредыч и хотел поесть. Из кухни раздались характерные звуки падающих на пол ложек и вилок. В бледном свете фонаря Сомова увидела грязные мужнины ботинки. Она сунула голову под подушку и начала считать до ста.

СОМОВА И ПОЖАР

- Ну почему? - спросил мужчина, надевая носок. - Почему именно я? Посмотри сколько их кругом ходит...

Сомова оглянулась. Никого. Не было кругом никого, кто хоть сколько-нибудь походил на милого сердцу Владимира Николаевича.

Владимир Николаевич - так звали мужчину, надевавшего носок. И хоть Сомова только что пережила с ним неповторимые моменты близости, что-то мешало ей называть его просто Володей или, скажем, Вовушкой и на «ты». И встречалась она с ним уже дважды... Если бы кто-нибудь начал сейчас стыдить Сомову: «Стыдись, Сомова! Ты же встречаешься с ним всего второй раз!» - она бы, пожалуй, удивилась и даже обиделась бы.

Всякий раз, влюбляясь с первого взгляда, а по-другому она и не умела, - Сомова, как это положено, теряла голову. Любовное томление Сомовой было невыносимо для окружающих. Работа валилась у нее из рук, взгляд туманился, а в особо тяжелых случаях, как с Вовушкой, она начинала заговариваться. Родного дедушку Артемия Семеныча невзначай обозвала Александром Сергеевичем, а вместо «гараж» сказала «пожар». Вот это было самое печальное. Фигурально выражаясь, пожар бушевал в груди Сомовой и потушить его мог только Владимир Николаевич.

Поэтому, найдя несложный предлог, Сомова пригласила его в гости. А он не нашел предлога отказать.

Уже с утра Сомова начала так сильно волноваться, что к обеду на нее страшно было смотреть.

- Что с вами, Сомова? - спросило ее начальство.

- Мне непременно, непременно надо уйти! - взмолилась Сомова.

Испугавшись, начальство отпустило ее.

Дома она выполнила традиционный комплекс: убрала квартиру, приняла душ, испекла пирог. И села ждать у окошечка.

Бесевые пролетарские дети играли на улице в свои безумные игры. Они так убедительно кричали «Сам ты козел!», что у Сомовой начали возникать всякие фантазии. Будто приходит к ней Владимир Николаевич, да не один, а с двумя приятелями, и, нетрезво улыбаясь, просит разрешения досидеть у нее бутылочку... Такое с Сомовой случалось. Или вот - открывает она дверь, а на пороге стоит Владимир Николаевич с супругой и двумя белоголовыми мальчиками. «Милая, - говорит он, - давно хотел познакомить тебя с Сомовой. Она чудная, просто лапушка. Полюбите друг друга!»

И такое с Сомовой было.

Вполне вероятно также, что Вовушка мог прийти и один. Ничего не подозревая, он стал бы есть пирог и рассказывать хозяйке байки. Но, разгадав ее более чем прозрачные намерения...

Сомова взглянула на часы. Назначенное время уже прошло. «Да и к лучшему», подумала было она и тут же услышала на лестничной площадке шорох. Владимир Николаевич стоял у двери напротив и собирался постучать к самой любопытной соседке во всем подъезде.

- Я здесь, - окликнула его Сомова.

- А я звоню, звоню!..

Как он был хорош, Владимир Николаевич, Володя, Вовушка...

Сомова чуть не упала на коврик.

- Ну, позвоните еще...

Звонок у нее не работал с тех пор, как полгода назад Альфредич временно перерезал провода, совершенствуя прихожую.

Долгожданный гость был один, без жен, детей и друзей.

К тому же трезв и снисходителен. Откровенно говоря, пирог ему не понравился, но, чтобы не огорчать хозяйку, он съел два куска. Потом он стал рассказывать разные смешные байки и пообещал непременно познакомить Сомову со своей супругой, чудной женщиной, просто лапушкой, а также с сыновьями, славными белоголовыми мальчиками. Не отрицал и возможности зайти с приятелями, усидеть бутылочку...

Когда же Сомова, не выдержав, слишком рано обнаружила свои более чем прозрачные намерения - Владимир Николаевич спорить не стал. Только тяжело вздохиул и обреченно обнял...

- Ну почему я? - спрашивал он Сомову через час. - Почему именно я? Смотри, сколько их ходят кругом...

Сомова оглянулась. Она не видела никого.

СОМОВА И ТЕАТР

Сомова сидела на работе и смотрела, как дождь смывает с окна голубиний помет. «Вот и птицы на юг потянулись», - подумала она.

Сомова знала, что осень – это время собирать картошку иходить в театр на открытие сезона. «Театр», – вздохнула Сомова. Последний кусочек помета смыло осенним дождем.

...Это было много лет назад. Сомова тогда работала в лизинговой фирме Миши Осьминина, и, хотя была еще молода не

первой молодостью, уже ждала изменений в судьбе. Миша очень заботился о лице фирмы и совсем не заботился о лице Сомовой, когда однажды вечером негромко сказал ей:

-Ну что ж, мать....

Сомова напряглась с давно забытым чувством социальной незащищенности женщины-труженицы.

-Тебе пора заняться делом, - перешел к делу Миша. - Мне нужна реклама.

«Ему нужна новая секретарша», - поняла Сомова, но изобразила готовность.

Через два дня она сидела в самом дальнем углу здания, которое занимала фирма, а на ее месте устраивалась новенькая. Новенькую звали Света Кошкина, но об этом Сомова вспоминать не любила.

Света Кошкина была ноль. Таким нолем была много лет назад и Сомова, когда заступала на пост Мишиной секретарши. А теперь Миша вошел в пору мужчины средних лет, которая, как известно, захватывает закат женской молодости, ее зрелость и первые годы женской пенсии. Ему правилоось, как путаются в волосах Светы Кошкиной документы первой, второй и третьей степени важности, как она их сметает со стола, как потом ловит и снова раскладывает.

- Это вносит эмоциональную разрядку в напряженные будни, - заявлял Миша на планерках.

Сомова сердцем чувствовала, что в приемной Миши происходят самые отвратительные вещи, те самые, что происходили когда-то и с ней, но тогда это было другое дело.

Надо было забыться. И она ушла в работу, что случалось с ней крайне редко. Когда в дверь постучали. Сомова почему-то поняла, что это судьба случится в дверь! Спустя несколько минут перед ней сидел обходительный мужчина.

Это не поставщик, - подумала Сомова, привыкшая иметь дело с поставщиками и потребителями, - но и не потребитель». Мужчина оказался агентом по продаже билетов на упаднические спектакли местного театра, как раз переживавшего в эти дни очередной упадок.

-Осень, знаете ли, - пожаловался мужчина, - все на дачах грядки копают, а о нас забыли...

-Да! - сказала Сомова, пытаясь вспомнить, когда она последний раз была в театре и что давали. Кажется, «Когда голодный насытится»... - Я вас понимаю, у меня самой дачи нет. Я каждый свободный вечер в театре, у меня даже свой монокль. Хотите

посмотреть?

Что заставило Сомову, имевшую к тому времени две дачи и огород под картошку и никогда не державшую в руках никакой оптики, тем более монокля, так нагло сорвать? Она не могла понять даже для себя.

Но мужчина поверил на слово. Работа у него была такая – верить. Почему никто не покупает у него билеты – он объяснял разными причинами, о которых говорить не любил. Звали мужчину Павел Валерьевич. Неожиданно он выразил огромное, как сцена, желание видеть Сомову на сегодняшней премьере и даже после нее. Сомова в последний момент вспомнила про Альфредыча, который ждал ее с мотыгой на огороде, вглядываясь вдаль. Но, Боже мой, она уже забыла, кто и когда последний раз слушал ее так долго и так сочувственно, кто и куда приглашал ее, выражая при этом какие-то желания...

«Я вижу, вы меня понимаете, – добивал Сомову Павел Валерьевич, – но вижу и другое! Вы не понимаете себя! Вы глубже и чище... Поэтому идите в театр! Только там...»

Сомова с каждой минутой чувствовала, что все больше любит театр бескорыстной, возвышенной любовью. «Вот что значит удачно подобрать распространителя!» – мелькнуло в голове. После чего Сомова впала в какое-то беспамятство.

...Даже Альфредыч заметил, что у Сомовой появился жизненный тонус.

- На дачу-то... – заметил он по данному поводу.

- Милый, – сказала Сомова, – ты не подумай, но мы всем коллективом на премьеру. Отпусти-аах?

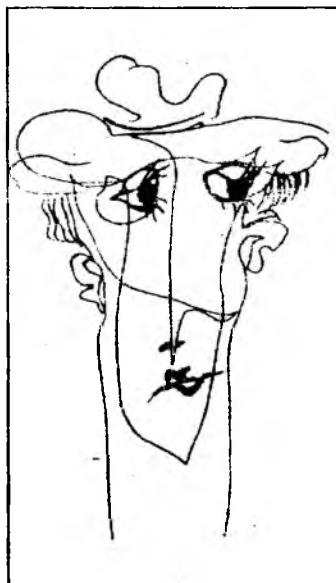
Альфредыч напрягся вспомнить, что такое премьера, и спросил:

- Че играют?

- Ты не подумай, но «Капризы свободной любви».

- Конечно, – покорно согласился Альфредыч, и в глазах его возникло недоверие.

Каждый вечер, когда Сомова собиралась в театр, Альфредычево недоверие росло. Сомова чувствовала

ла, что он может начать о чем-то догадываться, но роман с распространителем был только в самом начале второго акта, а в буфете давали шампанское.

Они уже целовались. Можно скрывать беременность, но когда тебя начинает целовать обходительный мужчина – это скрыть невозможно. И Сомова, по природе мало чем отличающаяся от других женщин, вдруг похорошела.

Миша первый понял, что промахнулся дважды, если не трижды. Глупость Светы Кошкиной заполнила всю приемную, затмила ее длинные волосы и красоту. Миша пытался отвлечься и задержать после работы одну из сотрудниц, но та, купив у Сомовой билет на «Без вины невиновных», сдержанно стремилась уйти с последним, шестым сигналом точного времени. Перебрав подчиненных, Миша познакомился со всем репертуаром местного театра, начиная с «Невесты из Колонгрива» и кончая новаторскими «Платнями Жан-Клода». Оставалась одна Сомова.

Три раза заходил Миша к ней во флигель. Он успел заметить поразительные перемены в лице, голосе, взгляде. «Воздух здесь чист, что ли?» - подумал Миша. А Сомова все время принимала заявки на завтрашний спектакль «Неугомонная муха» и уходила от разговора.

«Ты намерена поднимать местный упаднический театр? А как же наша реклама?» - решилась прочитать Сомова в Мишиных глазах. И молча нахамила: «Л никак!»

Миша все понял и пошел к себе в кабинет. В приемной Света, как обычно, ловила летающие документы. Издав приказ об увольнении Кошкиной и возвращении Сомовой, Миша осторожно двинулся во флигель.

Там никого не было. На вешалке покачивались пустые плечики. А на столе, увы, лежало заявление по собственному и ничьему большему желанию.

...Сомова много лет потом работала распространителем билетов. Павел Валерьевич, который так и не решился стать ее любовником, стал посему редким исключением, которое называется «мужчина-друг». Вдвоем они однажды затащили в театр даже Альфредыча. Тот был потрясен паркетом и весь второй акт «Женитьбы Карасика» провел в рассмотрении кладки.

Миша... Он еще несколько раз встречался на жизненном пути Сомовой, непременно пытаясь ее чем-нибудь оскорбить. Сомова не обижалась. Она же знала, что теперь ее жизнь – театр...

Рассказы

ГОРОД ДЕТСТВА

Когда-то мама моя была просто Людой, папа - просто Витей, а город Тольятти, в котором они жили, - просто Ставрополем.

Город Ставрополь был маленький, мама была молодая и играла в народном театре в «Барабанщике». В одной из сцен она танцевала на столе в купальнике, сводя с ума местных немногочисленных мужчин. Еще она играла в «Острове Афродиты», но по тогдашним - не то цензурным, не то наоборот - соображениям этот спектакль запретили, и режиссер Надежда Кирилловна решила замахнуться на Арбузова, вернее на его «Таню».

Двадцатилетней маме дали роль умудренной женщины в годах, к которой и уходит мягущийся Герман. Молодую Таню же играла, напротив, актриса в годах. В труппе шутили, что, мол, Герман - не дурак, и, уж конечно, предпочел молодуху старой Тане. Драматургия Арбузова обретала на ставропольской сцене неожиданное звучание.

Папа тоже был хорош, тоже играл в театре и, конечно, не мог не жениться на маме, как настоящий мужчина.

Я родилась, навсегда разрушив мамины планы стать актрисой, благодаря чему детство мое не было омрачено богемой!

Между тем объективный закон перехода количества в качество давал себя знать... Мама Люда стала Людмилой Александровной и однажды с удивлением заметила, что после двадцати девяти лет - не двадцать десять, а тридцать. Папа стал Виктором Петровичем и писал кандидатскую, кромсал написанное, склеивал и снова кромсал. Я сидела на полу, подбирала куски и из них склеивала свою «диссертацию».

Но вот город Ставрополь... Он внезапно стал носить итальянское имя - Тольятти, в честь небезызвестного Пальмиро; нсвзрачные с виду заводы вдруг обозначили его, как «город большой химии», о чем и так можно было догадаться по запаху и цвету тумана утром. Но настоящее счастье привалило, конечно, со строительством АвтоВАЗа.

Надо еще заметить, что уже плескалось рукотворное Куйбышевское, оно же Жигулевское море (так и хочется сказать - пиво), заглотив в себя старый Ставрополь.

Весной, когда воды еще было мало, мы ходили по дну, то есть по бывшему городу, и я нашла одну копейку 1896 года. Мой сосед

по парте коварно похитил ее, когда я училась в первом классе общеобразовательной школы № 17 имени Г.С.Титова.

- Отдай то, что взял, - велела учительница, когда я пожаловалась.

- А я не брал. Честно.

Зря он так. Учительница учила нас русскому языку и литературе, поэтому она знала, что сказать:

-Честный, жулик известный!

Секунду постой - карман пустой!

Коварный сосед по парте захихикал вместе с остальными, но копеечку не отдал. А этот урок запомнился мне навсегда.

А город Тольятти поражал воображение темпами своего роста. Буквально за несколько лет он дошел до того, что нас, учеников третьего класса общеобразовательной школы № 17 им. Г.С.Титова, срочно сняли с занятий, быстро отрепетировали речевку и строем повели через дорогу в ЗАГС - чествовать 500-тысячного гражданина г. Тольятти, который оказался гражданкой и заплакал, когда ему повязывали пионерский галстук. Речевку скомкали. Один из дядей спросил, всегда ли мы готовы к борьбе за дело коммунистической партии. Не дураки, мы гаркнули: «Всегда готовы!» и побежали на улицу, так как от уроков нас освободили.

Через несколько лет, когда я уже не была ученицей школы и так далее, я увидела на улице кортеж, а впереди - автобус с плакатом, поздравлявшим всех желающих с рождением 600-тысячного тольяттинца.

У нас родилась сестра, которую назвали тетей Катей. Мы переехали в новую квартиру. Место было и иное. Называлось в народе «третий поселок», дальше были поля. Но не прошло и нескольких лет, как «третий поселок» оказался центром города, из наших окон видна была Центральная площадь, а слева размещалось «Центральное кафе» - в народе просто ЦК.

Мы ездили отдыхать на Жигулевское море, оно же пиво, на берегу которого, в бывшей хрущевской даче, расположился Институт экологии Волжского бассейна. Но, несмотря на него, с нашим морем- пивом что-то делалось не то. Вода прогревалась и зеленела, и чем дальше, тем пуще. Мой папа-рыбак вспоминал щук, которых он ловил в иные годы, и тосковал.

Левобережный завод железобетонных изделий, настойчиво претворяя в жизнь жилищную программу, взрывал и взрывал один из жигулевских уступов.

Ну, какие могут быть красоты, когда такая напряженка с квартирами. А в песни местных авторов, незаметно для них самих, вкрадывалась экологическая озабоченность:

То ли это Волга в кольце Жигулей, (?)
То ли обнимают ее Жигули... (?)

Однако, рос и процветал ВАЗ. Он выходил на внешний рынок, и все ждали вот-вот изобилия, ибо город, производящий автомобиль - не роскошь, а средство передвижения, и я вправе был расчитывать... Как же?! Столько усилий! Столько народу, покидав там и сям что-то свое, приехало: выстроили город, родили следующее поколение, которое уж наверняка, должно жить, если не при коммунизме, то лучше, чем они, делают автомобиль, местами конкурентоспособный. А изобилия все нет!

Пошла полоса починов - «В свободное время четыре дня на объектах соцкультбыта», день города с фейерверком... И тут как раз случилось побывать в Тольятти нашему высокому руководителю. Оценив обстановку, он сразу сказал, что на такой город и один кинотеатр - это нехорошо.

В это время я уже жила в Вологде, и все знающие, что я - урожденная тольяттинская, не скрывая снисхождения, спрашивали:

- Так это правда?
- Правда, - говорила я, - но не вся...
- Как же вы живете-то, с одним кинотеатром?
- Да так как-то все...

А тетя Катя уже закончила школу, пошла работать в ясли, простила и заболела.

«Как пошла в ясельки, болеть начала», - пошутила мама, которая 30 лет назад играла барабанщицу в народном театре города Ставрополя - был такой городок на берегу Волги...

«КАК ТЫ ХОЧЕШЬ, МИЛЫЙ»

— Просыпаешься ты в восемь. Ребенок уже в детском саду. Я выхожу из кухни, непременно в белом переднике, и подаю тебе кофе...

— С лимоном!

— С лимоном, конечно, с лимоном. Легкий фруктовый салат со взбитыми сливками, бутерброд с маслом...

— Масла побольше!

— Побольше, побольше... Ты завтракаешь прямо в постели, а потом идешь принимать душ.

— И обливаться холодной водой...

— Очень холодной, со льдом. Я тем временем бегу на работу, отмечаясь в табельном и быстро бегу обратно, чтобы приготовить тебе второй завтрак.

— Только быстро.

— Со всех ног бегу я на работу и обратно. На второй завтрак у нас, ну, скажем, блины с вареньем...

— Блины должны быть толстые.

— Толстые, румяные, дырчатые. Варенье на выбор — земляничное, айвовое и облепиховое.

— Облепиховое ешь сама.

— Хорошо, облепиховое съем сама.

— А мне что — голодом сидеть?

— У тебя полная тарелка блинов — толстых, румяных...

— Ты всегда печешь мало.

— Я пеку, а ты сразу съедаешь. Если бы ты подождал хоть чуть-чуть, их было бы много.

— Это ты их съедаешь. Я сам видел — снимешь со сковородки и сразу в рот. Думаешь, мы тут из-за стола не видим? Мы все видим...

— Ну, ладно, ладно. Пусть все будет — как ты хочешь, милый!

— Да, конечно, одни слова...

— Значит, блинов не надо?

— Как это не надо? Кто это тебе сказал — «не надо»? Блины! И побольше, потолще, с вареньем. Но обязательно еще со сметаной, а маслом ты их помажешь сразу же, как только со сковородки снимешь. Да не жалей, не-жа-лей!

— К блинам я буду подавать тебе чай с травами — зверобоем и мелиссоид.

— В большом бокале.

— В самом большом бокале.

- Нет, ты не знаешь, как надо правильно заваривать.
- Заваривай сам.
- Только бы отговориться. Только бы ничего не делать.
- Ты не хочешь послушать, что у нас будет на обед?
- Кто это не хочет? Это ты не хочешь. И вообще, про еду ты рассказываешь... как-то неаппетитно!
- Хорошо, рассказывай сам.
- Ну, ничего не делает! Только бы все свалить на меня.
- Слушай, милый. Мы сидим на берегу реки, наслаждаемся пробегающими мимо облаками. Я, чтобы сделать тебе приятное, заметь, — делись с тобой своими гастрономическими фантазиями, в то время как у нас ни копейки денег. Холодильник пуст, как скоженное поле, — по твоей, заметь, вине. И ты...
- Вот-вот, только бы ругать мужа. Только бы есть его живьем, только бы оципывать его, как куру, потрошить, шпиговать, нанизывать на вертел, чтобы сразу в духовку и выпекать при температуре 180-200 градусов...
- Ты хочешь на обед куру?
- Я люблю куру-гриль. Корочка должна быть золотистой, но не коричневой. И никаких соусов. Их не принимает мой желудок.
- Соус придает пикантности блюду. К тому же я всегда недосаливаю, что является, кстати, скорее плюсом, нежели минусом моей кухни.
- Скажи еще, что «это полезно».
- Это полезно, милый.
- Все, что полезно — невкусно. И вообще, все, что вкусно — или вредно, или аморально, или заработано нечестным путем.
- Поэтому наш холодильник пуст, как скоженное поле.
- А что у нас на ужин?
- Ужинов тоже будет два. Сначала легкий — часов в пять. Несколько пикантных салатов, кусок отварного мяса, который я запеку в духовке, обмазав майонезом. На десерт — мороженое, украшенное кусочками бананов и киви.
- Неплохо.
- Позже, часов в семь, я подам тебе рыбу. Отдельно я растоплю сливочное масло и покрошу туда вареное яйцо.
- Это называется «рыба под польским соусом».
- Я хотела избежать слова «соус», ведь все так, как ты хочешь, милый...
- Лишь бы полагаться только на меня.
- Как ты хочешь...
- «Милый»?
- О! У меня появилась идея.

- Еще один ужин?
- Нет. Теперь я хочу поделиться с тобой своими эротическими фантазиями.
- Та-а-ак! Значит, польского соуса не будет?
- Эротические фантазии, милый. Все будет - как ты хочешь.
- Я хочу рыбы.
- Нет, послушай. Ты просыпаешься в восемь. Ребенок уже в детском саду. Я появляюсь перед тобой в одном белом переднике... На подносе кофе...
- Со сливками!
- Обязательно со сливками. Легкий фруктовый салат придаст тебе бодрости, и ты...
- А бутерброд с маслом?
- Это уже второй завтрак. Но сначала ты развязешь на мне передник...
- Нет, кофе может остыть.
- Мы сварим другой.
- Как это другой? А этот что — выбросить? К тому же после завтрака я привык принимать душ.
- Мы примем его вместе.
- Ты будешь мешать мне обливаться холодной водой.
- Нет, я в это время медленно буду гладить тебя по...
- В это время ты будешь разделять мясо для обеда. Учти, я люблю крупные куски.
- А когда же...
- Вечером.
- Вечером у нас два ужина. Я просто не успею надеть белый передник, чтобы ты развязал его на мне.
- Сначала ужин. Потом ты помоешь посуду, я вынесу мусор...
- Завтра рано на работу, но я могу сбегать отмститься в табельном и тут же прибежать обратно, чтобы приготовить тебе второй завтрак. Чай на травах, блины с вареньем...
- Блины должны быть толстые...
- Толстые, дырячные...
- Чай непременно с лимоном. Я заварю его сам, ведь ты не умеешь заваривать.
- Как ты хочешь, милый...

«АХ, КАКАЯ ЖЕНЩИНА!»

... У каждой женщины
должен быть свой «коврик»,
на котором она могла бы
свернуться клубком в дни
житейских потрясений...

Жила-была Наталья Николаевна. У нее была большая семья, большая квартира и большое сердце. Наталья Николаевна щедро делилась первым, вторым и третьим. Она принимала в свою семью новых членов, пускала в свою квартиру зятьев и внуков, а в сердце — разнообразных читателей и подписчиков.

Однажды к ней в дверь постучали.

— Кто там? — спросила Наталья Николаевна, выглянув из кухни, где она варила борщ для мужа, жарила котлеты для сына, пекла блины для зятя и тушила мясо для внука.

— Это мы — твои дочь, сын, семья внуков и их друзья, — ответили из-за дверей.

— Что ж вы стоите, как неродные? — распахнула дверь Наталья Николаевна и, позвав мужа Вовку, стала накрывать на стол. Она достала сервиз на 36 персон, сбегала к соседям за стульями, а муж в это время снимал дверь с петель, чтобы поставить стол через две комнаты.

В дверь снова постучали.

— Кто там? — спросила Наталья Николаевна, выглядывая из ванны, где она застирывала ползунки младшенького.

— Это мы — редакция газеты «Вологодский подшипник», нас пятеро, но мы голодные.

— Что же стоите, как неродные? — привычно распахивая дверь, сказала Наталья Николаевна и, позвав Вовку, стала раскладывать горячее.

Первые две 10-литровые кастрюли сразу же опустели.

В дверь настойчиво стучали.

— Кто там? — спросила Наталья Николаевна, неся в комнаты 20-литровое ведро с дымящимся мясом.

— Это я, Марья Антоновна с внуками и закусочным салатом, который я приготовила еще летом, но в банки закатать так и не успела.

— Что же ты, Маша, как неродная? — сказала Наталья Николаевна, открывая дверь правой ногой, и, позвав Вовку, приняла от

Мары Антоновны небольшой, пудов на пять, бочонок с салатом.

Гости, между тем, уже веселились, поднимая тост за виновницу торжества. В дверь непрерывно стучали.

— Что же мы — неродные, что ли? — говорили все новые и новые родственники, знакомые, сослуживцы, мужик по имени Шурик с трехлитровыми банками свежеподоенного молока, соседи Подоляки, пенсионеры с бесплатной подпиской на газету «Вологодский подшипник», внештатники Решетовы с новыми заметками про концерты Аллы Пугачевой, которые певица специально дала в помещении заводского клуба, приурочив их ко дню рождения Натальи Николаевны. Чтобы каждый раз не открывать дверь, Вовка снял ее с петель, а чтобы усаживать приходящих гостей, столы протянули через лестничную площадку к соседям.

— Что же вы — неродные, что ли? — сказали соседи и стали накрывать в своих квартирах.

Последней пришла слегка запыхавшаяся Валентина Андреевна. Она вошла в квартиру и села на специально приготовленный электрический стул.

— Приятно потряхивает, — сказала она гостям и разрешила начать.

Первые 10 -15 тостов пили только за здоровье именинницы, пока, наконец, кто-то заметил, что самой Натальи Николаевны нет среди присутствующих. На кухню был послан гонец. Он вернулся через полтора часа и сказал, что виновница торжества макетирует очередной номер газеты и просила не обращать на нее внимания, продолжать праздновать, пока не кончатся запасы из кессона, которые Вовка сейчас подтаскивает к подъезду.

Гулянка затянулась на три дня, последней ушла Валентина Андреевна. Закинув выпачканный в соусе шлейф за плечо, она, покачиваясь на каблуках, обнимала Наталью Николаевну, которая в это время варила борщ для мужа, жарила котлеты для сына и пекла блины для дочери, пока та кормила младшенького мясом, и говорила:

- Что же я тебе, Наташа, не родная, что ли? Да я твою газету в рамке, под стеклом храню, клянусь, - чтоб мне никогда начальнику по учету рабочего времени не работать...

Когда Валентину Андреевну отнесли до дома, воцарилась тишина. На кухне мирно толклись пятеро детей, в комнате тихо возились восемь внуков, в гостиной Вовка споро убирал со столов.

В дверь постучали...

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Если бы я не родилась женщиной, я бы обязательно родилась мужчиной.

Мужчины! Я любила вас с детства. Увы, эта любовь не была взаимной. Я любила, как правило, мужчин высоких, щедрых и смелых. Но те, как правило, любили других женщин, а вместо себя подсыпали маленьких и скучных. Скупым льстит широта женской натуры, маленьkim - идти рядом с высокой женщиной по улице, показывая тем самым, что и они, если подпрыгнут, могут кое-чего добиться в жизни.

Однажды вечером в дверь постучали.

«Я так давно тебя не видел», - сказал Батогов, между прочим, это его настоящая фамилия, пусть ее узнает широкая общественность.

«Но меня ждут. Нас трое и нам не хватает. Дай мне, скажем, десять».

Я дала ему десять, потом еще двадцать пять, а потом еще рубль, так как уже появились сомнения.

С тех пор прошло семь лет. Однажды я встретила его в троллейбусе.

«Я так давно тебя не видел, - начал Батогов, - но меня ждут. Нас трое, и двое из нас уже нервничают...»

Однажды в дверь позвонили.

-Это ты? - удивилась я.

Мужчину звали, кажется, Алексеем. Впрочем, широкой общественности это ни к чему.

-Я проездом, - сказал он, - мы перегоняем грузы. Я их охраняю. У меня есть пистолет. Хочешь посмотреть? Или давай я тебя сразу поцелую.

-Я ждала тебя на остановке год назад. Мы хотели встретиться в десять.

-А я уехал. Ты знаешь, я тогда работал инкассатором. Меня вызвали.

-А я ждала пятнадцать минут. Порядочные девушки больше ведь не ждут.

-Я не мог. Горел дом. Я выносил из него несгораемый сейф.

Шло время. В мою дверь стучали, но это были уж совсем не те мужчины и нуждались они уж совсем в других женщинах.

Но вот однажды...

О, это был настоящий мужчина! Наверное, я впервые смотрела

на него снизу вверх. Мало кто поймет эти ощущения, ощущения женщины, привыкшей с детства вкручивать лампочку в люстру, не вставая на табуретку.

-Юра, - сказала я ему, да так его и звали, чего тут скрывать, - я хочу взять у вас интервью.

Но Юра был парень не промах, он знал нашу сестру как облупленную. Сначала интервью, потом «что ты делаешь сегодня вечером», а у самой только одно на уме.

Он исчез. И только выговор, полученный мною от редактора за несданные в газету, по причине романтического загула строчки, еще какое-то время подогревал вызванную было нелюбовь к мужчинам вообще и настоящим в частности. Однако не тут-то было. Приближалась весна. Когда все, решительно все манит в кусты. Когда на деревьях появляются почки, а на улицах - все больше настоящих мужчин. Когда пересматриваются взгляды на жизнь, причем не в лучшую, как выясняется осенью, сторону. И каждую весну уже который раз я перефразирую тысячу раз перефразированное: «Мужчины, я люблю вас, будьте бдительны».

КАРУСЕЛЬ

- Вы будете смеяться, но у меня есть моральные принципы.

- Да нет, я не буду смеяться...

Небо было такое звездное, что я не могла найти даже Большую Медведицу. А уж Большую Медведицу могут найти все.

- Вы куда Большую Медведицу дели? - спрашиваю.

- Продали... чтобы районный бюджет пополнить.

- Нет, вы слышали, он продал Большую Медведицу!

- Ну и что, в Вологде уже все небо продано - областной бюджет тоже пополнять надо.

- Звездное небо над нами продано, а как быть с нравственным законом внутри нас?

- Вы будете смеяться, но у меня есть...

- Мы не будем смеяться, - сказали они и засмеялись.

Эх, люди. Вы смеетесь надо мной и не знаете, что мне одновременно в голову приходят сразу несколько взаимоисключающих мыслей. Обижаться на вас, люди, бесполезно. Любить вас, люди, невозможно. А обижаться любя - не хочу и не буду.

... Это было любопытное приключение... Вообще, я всегда придерживалась того мнения, что если у женщин есть хотя бы женская логика, то у мужчин - нет никакой. Лично я предпочитала определенность - пусть даже мрачную - какому-то поэтическому разброду. То он внезапно уехал в Череповец, то его вызвали, то надо выгуливать собаку, то дочку. То есть наоборот. Мужская непредсказуемость почище женской. Женщина никогда не придет на свидание с ребенком и не попросит присмотреть за ним, пока она будет записывать срочный сюжет. Мужчина же едет на свидание, чтобы, во-первых, позвонить с вашей работы, причем в другой город, во-вторых, распечатать с диксеты свой новый рассказ:

Впрочем, это мои личные наблюдения. Будем считать, что мне просто не повезло. Хотя - почему не повезло? Мне повезло. Это был даже где-то знаменитый мужчина. Кстати, в чем отличие знаменитого мужчины от незнаменитого? Вы будете смеяться - ни в чем. Ни в чём, кроме одного... да нет, это одно тоже мало чем отличается. Ну, если только... Впрочем, не в размерах дело.

... И чтобы никто не успел нас застать, он быстро вскочил и, впопыхах, надел мою рубаху. Если бы это было платье - он надел бы платье и быстро бы побежал к гостям. Главное - чтобы никто

ничего не заметил. Оказывается, это главное. Вы все время надрывно спрашиваете: «Что главное в этой жизни?» А я вам отвечу - главное, чтобы никто ничего не заметил. Мы для этого живем..

Кстати, когда я, наконец, поняла, что, в принципе могу соблазнить любого мужчину, мне исполнилось шестьдесят девять лет. С утра я сходила в солярий, встретила там старую (Старую!) знакомую. «Боже, какая она старая», - подумала я и поняла по ее глазам, что она то же самое подумала обо мне. А ведь мы ровесницы. «Что ей надо - в ее 69 лет - в солярий?» - подумала я. Что подумала она - вы уже поняли.

Мы вышли, оживленно болтая, и

чуть не попали под машину. «Девчонки, - крикнули оттуда, - вы куда бежите - такие загорелые?» Вечер обещал быть приятным.

Вы удивлены? В 69 лет - и девчонки. Не удивляйтесь. Вчера мне было 23, а сегодня с утра я не дала бы себе меньше 50-ти. Что с нами делает ночь...

Однако про звезды. Звезды жались друг к другу, и даже месяц, не найдя себе места в небе, опустился чуть ли не на крыши домов. Еще чуть-чуть и он сядет на трубу, а из нее вылетит ведьма... Да, вот и она.

... Прежде чем надеть впотьмах мою рубаху, он еще и перекрестился. «Что же ты крешишься, будто я ведьма какая?» Ну и чем знаменитые мужчины отличаются от других мужчин? Ничем, кроме повышенной тревожности. Вероятно, в этом секрет успешности. Будьте тревожнее, если хотите стать знаменитыми.

Он перекрестился и вышел к гостям с отсутствующим выражением на лице. Общее заблуждение, идущее все от того же - от отсутствия у мужчин хоть какой-то логики. Ну, сами подумайте, с чего это у мужчины в разгар общего веселья на лице вдруг появляется деловая озабоченность. Глупо и нелогично. То ли дело у нас, у женщин. Во-первых, мы никогда не перепутаем, пусть даже в темноте, наши колготки с их штанами. Во-вторых, по нашим лицам сразу можно понять - где, сколько раз и, главное, с кем мы были.

А мы были. И не раз! И на лицах наших отражалась вся, как это называется, гамма чувств - от детского восторга до глубокого разочарования. И я бы покривила душой, если бы сказала, что последнее мне нравилось меньше первого. Невозможно все время испытывать детский восторг, а глубокое разочарование - оно даже где-то украшает. Если не перебарщивать и тщательно наносить косметику.

- Я разочаровал тебя?

- Чтобы разочаровать меня, ты должен был для начала очаровать. А ты так мало для этого старался.

... Звезды начали бледнеть и пропали вовсе. И Большая Медведица - никуда ее, оказывается, не продали, и никакой бюджет не пополнили, а жаль. И месяц слез с трубы, в которую тут же метнулась женская тень верхом на метле. Что вы креститесь, бросьте, это фантазии... Над озером вставало солнце.

ПЕРЕСОРТИЦА

Звонок в районном отделении милиции раздался в 19.40. Звонила женщина. Дежурный сразу понял, что она прикрывала трубку платком или шарфиком – чем еще может прикрывать трубку женщина, желающая оставаться неизвестной.

Городок был такой маленький, что здесь все знали друг друга не только в лицо и по имени, но и по голосу в телефоне.

-В общепите пирожки пекут из второго сорта, а продают по цене высшего, – сказала трубка, и сразу же запищало...

«Ну, бабы», – подумал дежурный, чувствуя, как что-то неприятное закрадывается в мозг. В общепите работала любимая женщина его начальника - Сергея Севериновича. Поэтому дежурный решил, что звонившая попала не туда, расслабился и вернулся к кроссворду: «Автор изречения – «Кесарю Кесарево...»

На следующий день в милицию пришло анонимное письмо о том, что «пекут из второго сорта...», через неделю об общепитовском «бесспределе» знали уже в райпо, местной газете и, что самое страшное, областной администрации.

-Надо разобраться, – сказал местный прокурор Прокопчук своему дружку по рыбалке – местному начальнику районной милиции майору Орлову.

-Разберемся, – ответил Сергей Северинович.

И начал разбираться в тот же вечер, лежа в постели с женщиной всей его жизни – Ниной Аркадьевной Никулиной, заведующей общепитом Захаровского райпо.

Нина была просто прелесть. Никаких вам пергидрольных лопконов, пышных бюстов и голубых теней. Размер 44-й – не больше, роста среднего, особых примет нет, ну, разве что шрамики маленькие от эндоскопической операции – три бледных крестика, как следы от трех пулек, так и не прошедший навылет.

У Нины был железный характер, единственной ее слабостью, как считал сам Орлов, являлся он сам – красивый, добрый и умный, хоть и не полковник в свои 48.

-Нина! Ты пойми, если начнут разбираться по закону – минимум три, максимум семь.

-Лет?

-И зим тоже.

-Не-е, семья я не могу. Кирюха через семь лет школу заканчивает, ему надо в институт поступать. На переводчика, – решительно не согласилась Нина, которая планировала свою жизнь и жизнь близких по неделям, месяцам и кварталам. В конце года она под-

водила баланс. Обычно он складывался в ее пользу. Несмотря на то, что баланс – равновесие то есть.

-А моя Юлька уже через год поедет, - не к месту расчувствовался Орлов.

- Она похожа на тебя.... Да и Кириуха тоже. Хорошо, что муж не ревнивый, - и Нина посмотрела на Орлова как тогда – много лет назад, когда они впервые...

-А моя вообще – курица слепая, - Орлов мог быть грубым, если, конечно, старался.

-А вот этого не надо! Не надо плохо о женщинах, - сказала Нина, которая о феминизме ничего не слышала, но каждый день боролась с неравенством, особенно в материальной сфере. «У женщин должно быть много денег. Гораздо больше, чем у мужчин. Ведь у нас такие расходы», - думала Нина.

...Следствие было недолгим, потому что в том мае клевало хорошо, а что еще следакам делать, если окна райотдела выходят на озеро и майор Орлов как-то особенно проявляет чуткость, выделяя то УАЗик для поездки в Усть-Каменскос, то рассказывая, какие гигантские судаки прямо-таки сами в сетки лезут.

-Ты езжай, езжай, и моей жене на рыбник привезешь... - говорил в середине рабочего дня следователю Кузнецова майор Орлов. И показания снимать было уже некому.

Дело закрыли. Вернее, его замяли. Еще точнее – лещи, судаки и щуки, закопченные в общепитовской коптильне, смогли убедить правоохранительные органы в том, что Нина Аркадьевна Никулина к делу «О пирожках» совершенно не причастна. Самих пирожков не нашли – они давно уже были съедены. В меню выпечные изделия не значились. Никаких следов муки как высшего, так и второго сорта ни на складе, ни на кухне обнаружить не удалось. На вопрос: «Что же вы, муку вообще не используете?» - был дан ответ: «Вообще».

Нину попросили расписаться в протоколе, а вот подпись о невыезде деликатно не взяли. Поэтому она решила, что надо уезжать. Нет, не сразу решила, а только через неделю, утомившись ловить на себе косые взгляды захаровских обитателей. Обструкция, устроенная ей обществом, выглядела смешно, но жить в такой атмосфере она не могла.

Дом, дача, старый платяной шкаф и два велосипеда были стремительно проданы, но все равно вещей набралось на два контейнера. Отъезд в Тихвин назначили на четверг.

Расставание было мучительным. Орлов плакал, Нина диктовала ему свой новый адрес. Она уезжала к сестре, забирала с собой уже похожего на Орлова Кирюху, бесплодного и беспутного мужа Саньку и кошку Сюзанну. Нина уезжала, а майор оставался, и ему очень хотелось построить весь городок на единственной площади и заставить всех заткнуться - перестать чесать языки и навсегда забыть об этих идиотских пирожках. Тоже мне - бизнес. Лишняя сотня всего-то, и из-за нее рушится жизнь двух замечательных людей. Орлов смотрел на отъезжающую машину из окна своего рай-отдела и понимал, что должен, наконец, совершив какой-нибудь настоящий мужской поступок.

...Теплым майским вечером запыленный «Москвич» тормознул около придорожной палатки. Худенькая – размер 44-й, не больше – женщина торговала пирожками. Выбор был королевский – пирожки с луком и яйцом, с капустой, с клюквой, с яблоками, с творогом, с мясом – конечно же, диетические бездрожжевые лепешки с пшеном, просто булочки-витушки, курники и расстегаи, открытые со сметаной, закрытые и по-особенному зашипанные с палтусом, рогульки с маком, коржики школьные, посыпанные сахарной пудрой, изящные рулетики с абрикосовой пастилой, слоенки с вишней, лимоном или сыром, уральские пироги с сырой картошкой и луком, приправленные лавровым листом, обычные деревенские посыпушки, рогалики из пресного теста, ореховые печеньица, ванильные кексики и, где-то уже совсем в глубине этого изобилия, огромные ромовые бабы – рыхлые, мокрые, щедро облитые молочно-белой глазурью. В качестве особого предложения поодаль стояли куличи - завтра была Пасха.

Водитель, выбежавший за пирожками, никак не возвращался. Его не дождались, пошли посмотреть. Долго молчали, подавленные. Первой пришла в себя пожилая дама, которая все это время смотрела не столько на пирожки, сколько на пирожницу.

-Нина! – тихо сказала она.

-Светка! – ответила та.

Торговать пирожками поставили сына Нины – Кирюху, студента 5 курса факультета военных переводчиков Питерской военной академии. Сами сели тут же, за пластиковые столики, достали из багажника все наличное спиртное, а закусывали пирогами – кому с чем попадется.

Светлана Арданьоновна Мухина двенадцать лет назад работала вместе с Ниной Аркадьевной. Именно она пекла те роковые

пирожки, которые внезапно изменили жизнь стольким людям. Сейчас Света мало пила и почти не ела, все время что-то не договаривая. Нина же так обрадовалась этой гостью из прошлого, что ее неожиданно прорвало. Странно, она ведь уже стала немногословной интеллигентной женщиной:

-У меня все хорошо. Кирюха отличник, муж на заводе во вневедомственной охране, дома три кошки – правнучки Сюзанны, помнишь? С земляками иногда вижусь – вот Сергей Северинович вчера заезжал, он в Питер перебрался. Ну, а ты?

-Я на пенсии, - грустно отвечала Света. - Дача, телевизор... Зимой, конечно, скучно, весной иногда куда-нибудь езжу – вот приятели с собой захватили покататься. Ну, а ты?

-У меня все нормально. Кирюха собирается жениться. Внучок уже намечается. Или внучка...

-А я... - и Света замолчала.

Пирожками обжились, а они все не кончались, Кирюха носил тарелки – туда-сюда, туда-сюда.

Света все собиралась сказать, открыться. Вина мучила ее – непроходящая вина вина человека, который думал, что его никто не поймет, а оказалось, что он уже пойман самим собой. Таким же теплым маев 12 лет назад Светлана Ардальоновна позвонила в милицию и, закрыв трубку носовым платком, сказала:

- В общепите пирожки пекут из второго сорта, а продают по цене высшего.

А анонимки она опустила в почтовый ящик еще накануне. Думала – снимут Нину, а она, наконец, станет получать на целых 20 рублей больше! Нину тогда не то что сняли – а так как-то, все само собой получилось – уехала она, а новым начальником общепита поставили молодую выпускницу Московского института пищевой промышленности. Ни уха ведь, ни рыла, только что высшее образование – единственное в райпо...

Нина все рассказывала про Кирюху, про будущую свадьбу, про беспутного Саньку, про положительного Сергея Севериновича.

-Дочка у него, красавица, уже снимается в видеоклипах – ви-дела, наверное, «Ax, мой милый-милый-милый Августин» – третья во втором ряду.

Наговорились, обменялись адресами, обнялись, заплакали. «Москвич» прощально бибикнул и поехал прочь.

-Ну, мама, - сказал Кирюха, - у тебя и прошлое!

-Обыкновенное темное прошлое, - Нина опять стала немногословной, достала из-под белого передника телефон, набрала номер:

-Мы едем.

Трубка заговорила скороговоркой. Нина выслушала, ответила жестко:

-Мастера вызвали?.. Замеры сделал?.. Ладно, не паникуйте. Ерунда какая – печь сломалась... Контейнер с дрожжами из Франции пришел?

Трубка ответила утвердительно и тут же была отключена. Кириуха в это время уже выводил спрятанный в кустах микроавтобус, чтобы увезти домой свою странную мать.

Каждый год перед Пасхой она устраивала ему этот аттракцион. С утра они заезжали во все свои пирожковые, быстро и закусочные, отбирали продукцию, грузили ее в микроавтобус и ехали на оживленную трассу С.-Петербург-Хельсинки. Мама наряжалась в белый передник и нарукавники, вставала за прилавок и торговала. Хорошо хоть весь этот кошмар случался только раз в году – в конце апреля-начале мая. Иначе Кириуха бы подумал, что у Нины Аркадьевны Никулиной – председателя совета директоров АО ЗТ «Общепит», депутата Питерской Думы, почетного Президента клуба деловых женщин Санкт-Петербурга, владелицы целой сети ресторанов, баров и закусочных, то есть – у его мамы – просто какая-то «деменция прекокс». Так называлась старческая болезнь, влияющая на мозги. Кириюхе нравилась латынь, он намеревался и ее добить, а сейчас овладевал португальским. Три основных европейских языка были уже позади.

Нина никогда не объясняла сыну своей «деменции». Молчал и близкий друг семьи – Сергей Северинович Орлов. И только Санька – Нинин муж – иногда пытался навести порядок в семье. Он выходил из себя, постукивал ручонкой по столу, требовал объяснить ему, наконец, что все это значит.

-Все нормально, - отвечала Нина, - вспоминаю молодость.

-Молодость она вспоминает, - ярился Санька, - вон она, твоя молодость, по-японски со мной разговаривает.

-Кстати!, – откликнулась Нина, - а давай опять в Японию съездим?

БОЛЫШИЕ БАБЫ

Светало. С утра Степану было не по себе. Налил было чай – отставил. Хмуро почесал бороду, крепко задумался.

-Закурю, - решил Степан.

-Опять напье-чч-а, - услышал он голос Алефтины, - что ж ты ее жрешь, отраву?

-Так не тебя же, - буркнул Степан.

-Кабы ты знал, как я тя ненавижу-то, - оживилась Алефтина.

-А я... я... Как я котов-то твоих ненавижу...

На этом склока в семье Балакиных обычно заканчивалась. Каждый шел заниматься своим делом. Алефтина толкла яичную скорлупу, а Степан отправлялся во двор набрасывать на себя сеть. Он искал дыры.

-Хоть мух побей, дармоед, - кричала обычно ему вслед жена.

Распутывает Степан сеть и думает:

-Ну, продам я их.. А ну – продешевлю! А не продам.... А ну – прогадаю.

... Пять лет назад Большебабский леспромхоз стараниями его директора Кудахина был преобразован в АО. Как водится, напечатали акции, провели первую эмиссию, три раза гоняли директорский УАЗик в область Устав утверждать. Бензина пожгли немеряно.

После утверждения Устава нагнали самогона, закололи поросенка и начали новую жизнь. Леспромхоз стал теперь называться «АО Большие Бабы»...

-Алефтина! Распутай меня, - крикнул Степан со двора, заваливаясь на бок.

-Да что ж ты некузявый какой, - говорила Алефтина, - не мужик, а морхлая пендюрка, - и привычно распутывала Степана.

На курином дворе зазвонил телефон. В Большых Бабах телефоном народ не удивить. Когда свое АО создали, сразу телефонную станцию закупили. Поговаривали даже, что у Кудахина в кабинете будто бы факс какой-то есть.

Тогда, пять лет назад, за дело дружно взялись. В первый год даже прибыль получили. Про «Большие Бабы» узнали в области. Приехал вице-губернатор, целый день рыбачил, в бане парился, кур ему коптили, три раза за коньяком в райпо посыпали. Бензину пожгли уйму. Предлагали даже на дельтаплане покатать, но шлема по размеру не нашли.

Вице-губернатор успехами АО остался доволен. Особенно ему понравились большебабские девицы из фольклорного трио «Голубка моя».

После первого визита гости зачастили – из района, из области, даже из федеральной службы занятости. «Голубок» три раза на областное телевидение возили. Бензину пожгли...

И когда в конторе обнаружили первый «e-mail», Кудахин только и мог сказать:

-Ё-моё!

В e-mail-е просили отгрузить 58 кубометров фанерного кряжа. К тому времени в Больших Бабах уже появился свой деревообрабатывающий цех...

Когда же в поселок приехали хорою одетые мальчики в белых рубашках? Точно вспомнить не мог никто. Только через пару недель прошел слух, будто бы вздымщик Васька Петухов продал им свои шестьдесят две акции. Но от него другого и не ждали – алкаш. Несколько дней Ваську никто не видел. Кудахин послал Степана выяснить – куда это их вздымщик задевался.

Клавдия – жена Василия – чистила стаю и разговаривать со Степаном не стала:

-Уди, собутыльник...

-Какой я теперь собутыльник, - вздохнул Степан. - Акционеры мы с Васильком твоим...

Хотел Степан было уж возвращаться, только видит – пыль столбом на дороге. И все ближе к Васькиной халупе. Въезжает прямо в навозную кучу новая розовая «десятка». Дверца распахивается и Василий – непривычно выбритый, аккуратно стриженый, роскошный до неузнаваемости, в белом твидовом костюме - картофельным мешком вываливается наружу.

С водительского места поднимается лысый коротышка и нагло спрашивает, глядя на Клавдию:

-Это, что ли, Большие Бабы?

И Клавдия от неожиданности вдруг отвечает ему:

-Йес!

Новую «десятку» обмывали всем посадом. Виновник торжества обсыпал на полатях. Лысый коротышка оказался хватким мужичком. Акционеры, слушая его, обомлевали и забывали закусывать.

-Сидим мы, значит, с пацанами, - говорил коротышка, - утро раннее – часов одиннадцать. Вдруг появляется этот ваш, говорит: «Я из Больших Баб». Мы ржать. А он – хочу, говорит, кругую тачку. Ну, мы ему эту розовую дуру и впарили. Потом оказалось, что он водить не умеет. Пришлось за полштуки мне машину перего-

нять в ваши Большие... - тут он глянул на Клавдию - ... Бабы.

Назавтра вечером селянки судачили у колодца.

- Продавать надо эти, как их, акции лешевы.

- А Клавдия-то сегодня в город ездила. Коротышка ее возил. Приехала стриженая – ровно квач для побелки...

Что творилось в поселке в следующий приезд мальчиков в белых рубашках! Они скупали акции АО «Большие Бабы» по цене подержанных «Жигулей».

Треть акционеров мгновенно перестали ими быть. Бабы хватали у колодца новыми автоматическими зонтами и темными очками. А когда бабка Зоя поехала в район вставлять фарфоровые зубы, Кудахин понял, что пора вмешаться:

- Родину продаете, сукины дети! – кричал Кудахин.

- Чего продаешь? – не рассыпала глуховатая бабка Зоя, хищно блестя новыми зубами.

... Теперь в московском автосалоне, который открыл для Больших Баб вздыимщик Васька, утро начиналось одинаково. Ровно в 11 в дверях появлялся очередной странный посетитель.

- Вы из Больших Баб! – радостно угадывал продавец-консультант.

- Да, - отвечал тот, - мне это... «десятку»... розовую.

- Давно вас ждут! – и продавец – резвый мальчик в белой рубашке – привычно распахивал дверцу машины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия.....	3
ЗДРАВСТВУЙ, СОМОВА (повесть).....	5
Становление Сомовой.....	5
Свадьба Сомовой.....	8
Сапоги Сомовой.....	9
Мужчины Сомовой.....	10
Бомж Сомовой.....	12
Дача Сомовой.....	15
Удача Сомовой.....	16
Сомова и квартира.....	20
Сомова и пожар.....	23
Сомова и театр.....	24

Рассказы

ГОРОД ДЕТСТВА.....	28
«КАК ТЫ ХОЧЕШЬ, МИЛЫЙ...».....	31
«АХ, КАКАЯ ЖЕНЩИНА...».....	34
ПРИЗНАНИЕ.....	36
КАРУСЕЛЬ.....	39
ПЕРЕСОРТИЦА.....	40
БОЛЬШИЕ БАБЫ.....	45

Волкова Елена Викторовна

БОЛЬШИЕ БАБЫ

[Ироническая проза: повесть и рассказы]

Авторская редакция.

Технический редактор Ю.П. Малоземов

Корректор Е.В. Дуганова.

Рисунки Т.А. Корниловой.

Вологда: «Свеча», 2003.

Тираж 100 экз.

48 стр.